

СЛАВЯНОМАНИЯ И КЕЛЬТОМАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ XVIII ВЕКА

С.В. ИВАНОВ

0. Введение.

Вторая половина XVIII века во многом должна рассматриваться как эпоха, в которую наметились дальнейшие пути российского языкознания. Следует оговориться, что общего языкознания, определяемого в соответствии духом того времени как исследование сродства и различий разных народов по языковым данным, до той поры в России не существовало. См. [Adelung 1815].

Первые начатки языкознания в России появляются в середине XVIII века и связаны с именами Тредьяковского, Сумарокова, кн. Щербатова и Ломоносова. При этом с самого начала обозначились две различные тенденции. С одной стороны, происходит накапливание, отбор и классификация материала русского языка, приведшие к выходу «Грамматики» Ломоносова. С другой, начинается осмысление места русского языка среди других языков мира, непосредственно обусловленное животрепетавшим в то время вопросом о происхождении самого русского народа. И если Ломоносов отвечал на этот вопрос, опираясь исключительно на исторический материал, то Тредьяковский и Сумароков обильно привлекали языковые сопоставления. Именно этим сопоставлениям и будет посвящена настоящая статья.

Наверное, стоит отметить тот факт, что до этого времени русским языком и его связями с другими языками занимались иностранные ученые. Не лишним будет напомнить о настоятельных просьбах Лейбница, обращенных к Петру I и так и оставшихся без отклика, прислать ему образцы языков, распространенных в Российской империи (см. [Булич 1904: 190-192]). В этой связи уместно упомянуть и о деятельности Крижанича, провозвестника будущего панславизма, приехавшего в Россию для изучения русского языка при Алексее Михайловиче и сосланного в Тобольск, где он и составил «Грамматику русского языка», которой предпослал вступление с четким и на удивление современным описанием родственных связей славянских языков.

Таким образом, Тредьяковского и Сумарокова с полным правом можно назвать первыми отечественными исследователями, обратившимися к этой области. В наибольшей степени все особенности их методологии и главные их задачи отразились в сочинении Тредьяковского «Три разсуждения о трех главнейших древностях российских», опубликованных в 1758 г.

1. Тредьяковский как лингвист

Василий Кириллович Тредьяковский (1703-1769) известен прежде всего как поэт и реформатор русского стихосложения. Между тем он внес определенный вклад и в развитие отечественной лингвистики. Долгое время этимологии Тредьяковского служили лишь примерами исторических курьезов, показывающими несостоятельность лингвистической мысли XVIII века. В таком духе выдержано, например, описание деятельности Тредьяковского у представителей академической младограмматической традиции XIX века. В «Истории славянской филологии» И.В. Ягича этому труду отведено одно предложение [Ягич 2003: 88]. С.К. Булич отмечает, что «удачные этимологии [Тредьяковского] тонут в массе совершенно нелепых и чудовищных сближений, диких даже и для того времени» [Булич 1904: 208]. В последнее время точка зрения на научное творчество Тредьяковского стала меняться, см. например, работу [Клубков 2002].

Мне кажется, что, если мы будем заниматься историей лингвистики, то мы должны оставить в стороне вопрос о правильности-неправильности или, лучше сказать, приемлемости-неприемлемости этимологий и стоящих за ними общелингвистических воззрений того или иного ученого и поставить вопрос по-другому. В сущности, мы должны рассматривать проблему так, как это делается ныне применительно к средневековым источникам, когда во главу угла ставится не достоверность сообщаемых сведений, а цель и задачи, которые ставил перед собой их транзиттер (будь то автор или переписчик). В конце концов, этимологические изыскания всегда были и, по сути, остаются подспорным орудием, с помощью которого исследуется родство и происхождение народов, и орудием тем более естественным, что главным предметом изучения становится главный идентифицирующий признак народа – язык.

В связи с этим, повторюсь, нужно отвлечься от самих доказательств и посмотреть на то, что с их помощью пытаются доказать.

Как известно, XVIII век в истории идей в Европе отмечен небывалым всплеском кельтомании. Стремление тех или иных ученых подчеркнуть особенность своего народа нередко выливалось в отыскании кельтских корней¹. Прекрасно знакомый с европейской традицией, учившийся в Сорбонне и начитанный в современной ему исторической литературе Тредиаковский поставил перед собой сходную задачу, которую он четко формулирует в самом начале своего сочинения:²

Я предприимлю в сем первом разсуждении показать с довольною вероятностию, что Словенский язык первенствует пред Тевтоническим (с. 5).

Итак, отправной точкой для Тредьяковского служит сравнение славянских и германских языков с целью доказать большую древность славянского и, следовательно, первенствующее положение славянских народов перед германскими. Если учитывать, что он не отличает славянский язык от русского, то очевидно, что в конечном итоге цель его сводится к возвеличению русского народа. В целом, операции, принятые в лингвистике того времени, очень напоминают те, которые производились генеалогами, подыскивавшими для заинтересованных лиц знаменитых предков. Как в одном, так и в другом случае шла охота за престижем, заключавшемся в наибольшей древности, знатности и исконности рода.

Работа Тредьяковского составлена как ниспровержение точки зрения некоторых немецких авторов, утверждавших первенство германских языков над славянскими. Тредьяковский прибегает к самому сильному аргументу, который только был возможен для его эпохи: он апеллирует к кельтскому языку, который в условиях повальной кельтомании был, в общем-то, последней инстанцией. Для этого сначала он возводит славянский язык к скифскому или, вернее, отождествляет скифов со славянами, а затем утверждает исконность скифского языка:

(...) народ Скитфский не токмо долженствует быть самый древний, но и первенствующий из Иафетфян (с. 4).

Далее он определяет взаимоотношение скифского и кельтского народов и, соответственно языков:

¹ Об истории кельтологии как науки, и, в частности, о заслугах Лейбница, имя которого уже упоминалось в связи с его обращением к Петру I, см. [Bonfante 1956; Morgan 1973/74]. О кельтомании см. [Kendrick 1994: 17-30]. О проблеме кельтомании см. [Sims-Williams 1998].

² Здесь и далее все цитаты приведены по изданию [Тредиаковский 1773] с указанием соответствующих страниц.

(...) трудно, и токмо что возможно определить, былили Скитфы и Целты един народ, или разный, хотя и способно доказать можно, что с самого начала, имели они един общий язык, названный Писателями Скитфским, а от меня Словенским (с. 12).

Сим образом вся Европа, и большая часть Азии, населены славными сими двумя народами. Целая почитай Европа занята Целтами или Гамеритами, от самого конца Гишпании, до Скитфии в Европе на восток; а часть Азийская, от сих мест до Хины (с. 15-16).

(...) я утверждаю, что у Потомков от сынов Иафетовых, то есть у Скитфов и Целтов, по смешении языков, первенствующий язык был един и общий, именуж Скитфский, которому точно надлежало быть, Словенскому от слова, и который в последующия времена по различию мест, прехождений, смешений, и разделений, от единого своего корня, многими сродственными и сходственными разросся древесами, и столькими сих древес ветвями и отраслями раскинулся, сколько слышится ныне языков во всех западных и северных землях, а от части и в восточных (с. 17).

Итак, оказывается, что славянский язык есть язык не только скифский, но и кельтский, причем кельтский в том смысле, что именно на славянском говорили кельты до своего выделения в отдельную общность и расселения в Европе, где, в результате естественной порчи языка они утратили исконное наречие и отпали от своего корня. Таким аргументом славянский язык сразу ставится в преимущественное положение, поскольку уже не может быть и речи о первенстве перед ним германского.

Эта глобальная задача со всей определенностью выражена в следующем отрывке из «Трех разсуждений»:

Всякому любопытному отверста есть дверь к разсуждению, о сходстве сих языков так, как покажется вероятнее: мне едино токмо первенство Скитфскаго, и единство с самого начала Словенскаго с Целтическим у сердца. Сие и ближе к предложению моему, *и полезнее всему Российскому народу*. И по истине, един был с самого начала, у Иафетфских племен, Скитфский с Целтическим языком, то есть, един был издревле, но по смешении, Словенский (с. 29).

Я обратил бы здесь особенное внимание на выражение «полезнее всему Российскому народу», поскольку оно четко и недвусмысленно говорит о прагматической, экстралингвистической стороне работы Тредьяковского. По сути, он переносит европейскую кельтоманию на русскую почву, но подменяет кельтов славянами, тем самым заменяя кельтоманию славяноманией.

Именно в свете этой прагматической цели и следует, на мой взгляд, рассматривать и сами этимологии Тредьяковского, так как в этих рамках нельзя говорить об их курьезности или смехотворности: они предстают как данность, как факт истории лингвистики, обусловленный экстралингвистическими причинами. Для обоснования своих рассуждений Тредьяковский прибегает к этимологическим аргументам.³ По расхожим представлениям его времени, древнейшим следует признать тот язык, из корней которого, сохранивших свою осмысленность для говорящих, можно объяснить слова и корни всех других языков, уже не имеющие смысла для их носителей. В этом воззрении с Тредьяковским сходится и Шишков, в некотором смысле являющийся его прямым продолжателем и наследником:

³ Методы Тредьяковского не так произвольны, как может показаться. Сам он недвусмысленно говорит об этом в следующем отрывке: «Знаю, что произведение имен есть такой довод, который опасно и благоразумно приводить должно: ибо оно сходственным звоном, в самом чуждом языке изобретаемом, способно и прельстить и обольстить может. Но ежели такое произведение законам своим правильно следует; то едва ли сего доказательства, в сем случае, возможен быть другое вероятнее» (с. 25-26). См. также [Клубков 2002].

Итак каким образом, видя повсюду следы Славенского языка, усумниться, что он не есть самый древнейший? И не должны ли другие языки прибегать к нему для отыскивания в нем первых своих начал? [Шишков 1827: 116-117].

Конечно, языковые доказательства Тредьяковского носят характер *ad hoc*. Раз признав славянский язык древнейшим, необходимо показать, что именно из его материала можно вывести и объяснить материал всех других языков. И естественно, самым весомым аргументом является выведение из русского языка самих названий древних и нынешних народов, а также топонимов. Отсюда и вытекают все этимологии вроде этруски – хитрушки, то есть хитрые, кельты – желтые «от светлорусаго цвета волосов»; иберы – уперы, так как уперты со всех сторон морями. Что касается собственно кельтских стран, то вот как выглядит у Тредьяковского этимология их названий:

[Шкотландия] издревлеж прозвана и Скотиею не от немецких Скутов, или из-лука-стрельцов,⁴ но Шкодия от Шкоды или Невыгоды с севера. Чтож до Ибернии (Ирландии), то прямо она есть Оберния: ибо со всех сторон окружена морем, как-будто обернута оным. Подтверждается сие и другим ея именем, Ожижия (по древнему произношению), или званная длятогож, что-она-вкруг окружена водами, или для сего, что-в-ней почитай непрестанно дождь и туман бывает (с. 51-52).

2. Сумароков и славяномания

Что касается Сумарокова, то его перу принадлежит сочинение под названием «О происхождении российского народа», в котором в общем и целом повторил ход рассуждений Тредьяковского:

Гальской и Британский языки уже не те, от которого они произошли, испортились еще от смешения, до пришествия в страны те Немцов; следовательно в сих языках остались некоторыя капли их первоначалия: а мы от источника нашего целое имеем море; ибо мы и почти все, по нынешнему времени, знатнейшия Европейцы, суть Цельты; а язык Цельтской есть язык Славянской, который от древняго, почти единою долготою времени отменен; а смешение в сей отмене мало участвовало [Сумароков 1787: 108].

Гальския Цельты и Славенския более всех протчих прославились, усилились изгнанием первых жителей и нарекшиися перьвыми Галлами от Цельтскаго слова Гуляю: что я не по своему изобретению, и не по догадке объявляю: то есть Гуляками или странниками, а Славенския Цельты нареклися Славянами, знаменуяся славными (...). Британы назався от бритых голов [Сумароков 1787: 109].

Как видно, прибавить о воззрениях Сумарокова нечего кроме того, что я уже сказал о Тредьяковском. Если взглянуть на их деятельность с прагматической точки зрения, то представляется любопытный парадокс, которого я мельком уже касался: западная кельтомания на русской почве переходит в славяноманию. С одной стороны, нельзя не заметить страстного желания авторов ввести русский народ в общую европейскую семью и, в том числе, приблизить отечественную науку к стандартам западноевропейских образцов, ведь, в сущности, и Тредьяковский, и Сумароков заимствуют у западных исследователей основные методы и даже сам ход рассуждений, расходясь с ними только в частном вопросе, для разрешения которого эти методы и используют. Об этом же стремлении говорит и обоснование родства славянского и кельтского языков. Породнив славян с кельтами, исследователи тем самым раздвигают

⁴ Интересно отметить, что в этом Тредьяковский сходится с Китингом, также отвергавшим этимологию, выводящую название Scot от «лучника». Тем более любопытно то, что Китинг предлагает взамен возводить скоттов к скифам [Carey 2006: 151].

границы тогдашней Европы, вводя в ее состав Россию. С этой точки зрения они выступают провозвестниками западнического направления следующего столетия.

С другой стороны, сам метод этимологизации и настойчивость, с которой все слова всех языков выводятся из русского языка, весьма напоминают то, как будут позднее работать Шишков, а затем и ученые-славянофилы. Не зря направление, заложенное Тредьяковским, еще в XVIII веке называли славяноманией.

Боясь показаться непоследовательным, все же завершу эту заметку одним курьезом. В «Чтениях о русском языке» Николая Греча, вышедших уже в 1840 году, есть один любопытный отрывок, который вроде бы и не вписывается в тему моего сообщения, но интересен сам по себе:

В этом отношении представляются нам любопытные феномены. Так, например, посреди народов дикаго Кавказа есть племя, которое говорит чисто древним ирландским наречием [Греч 1840: 44].

Греч никак не поясняет свою мысль, и для меня лично остается загадкой, откуда он заимствовал эти сведения, какой кавказский народ он имеет в виду и что за чистым древним ирландским наречием он говорит.

Summary

SERGEY IVANOV

SLAVOMANIA AND CELTOMANIA IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN LINGUISTICS

Our paper is concerned with the linguistic work of two Russian antiquarians, Vasily Kirillovich Tredyakovsky (1703-1769) and Alexander Petrovich Sumarokov (1717-1777). Both of them are renowned mostly as poets, but their antiquarian skills are much less known. For a long time their etymologies were regarded as a historical curiosity and it was only recently that there appeared a noticeable shift towards a more favourable opinion. But while dealing with history of linguistics, we should ignore correctness / falseness or plausibility / implausibility of etymologies and lay the emphasis on the task and purpose of an author. Etymological studies have always been a handy instrument for detecting the origins of peoples.

The 18th century Europe witnessed an extraordinary rise of celtomania. Scholars tried to find Celtic roots of their nations, striving to emphasize their significance and priority, which was understood as antiquity or, one might say, indigeneity. Tredyakovsky set himself a similar task in his “Three treatises on three main Russian antiquities” (1758). He starts with comparing Slavic and Germanic languages aiming to prove that Slavic is more ancient than Germanic and, accordingly, the Slavs are superior to the Germans. Taking into account the fact that the author did not distinguish between Slavic and Russian, it is obvious that in the end he sees his task in glorifying the Russian nation. Tredyakovsky’s treatise, for all its intents and purposes, is a rebuttal of German scholars who have claimed the superiority of Teutonic languages over Slavic. Tredyakovsky resorts to the best possible argument that was in store of contemporary linguistic science and appeals to Celtic language which was perceived as the last instance due to a celtomaniac wave that flooded all over Europe. For this purpose he first derives Slavic from Scythian, or rather identifies the Scythians with the Slavs, and then claims the antiquity of Scythian. Now, it turns out that the Slavonic language in fact is identical not only to Scythian, but also to Celtic, in a sense that Celts had spoken Slavonic before they formed a separate tribe and spread all over Europe where due to the natural language corruption they lost their original dialect and fell away from their roots. By means of such argument the Slavonic language at once takes the upper hand over Teutonic. In fact, Tredyakovsky tries to implant the European celtomania in the Russian ground, but substitutes the Slavs for the Celts, thereby changing celtomania into slavomania. In my opinion,

Tredyakovsky's etymologies should be considered against the background of this purely pragmatic task; in this case they cannot be regarded as ridiculous or curious. They should be taken as historical facts determined by extralinguistic causes.

Certainly, Tredyakovsky's use of linguistic arguments has often been *ad hoc*. Once Slavic was proclaimed as the most ancient language, it was necessary to show that the material of all other languages may be deduced and explained on the ground of Slavic. Naturally, the most valuable way of proving this was to derive from Russian ancient and modern ethnonyms as well as place names. In this manner a number of etymologies were produced, such as Etruscans – “hitroushki” (i. e. “sly ones”); Celts – “zhelty” (i.e. “yellow ones”) “after their fair hair”; Iberians – “oupery”, because they are locked (“ouperity”) from all sides by seas.

Sumarokov published a treatise “On the origin of Russian people” which for the most part follows Tredyakovsky's wake. Pragmatically considered, their work presents us with an interesting paradox: on the Russian ground the Western celtomania turns into slavomania. On the one hand, there is a noticeable and passionate desire to introduce the Russians into the European family of nations and, furthermore, to bring the Russian science up to the Western European standards. Making Slavs and Celts related, both scholars expanded the boundaries of Europe, presenting Russia as its natural part. From this point of view, they acted as predecessors of the 19th century “Westerners” in Russia.

On the other hand, their method of etymologizing and the persistence with which they derived all the words of all languages from Russian, closely resembles the way of thinking which the 19th century slavophiles adhered to.

Литература

- Булич 1904 – Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904.
Греч 1840 – Греч Н.. Чтения о русском языке. Ч. I. СПб., 1840.
Клубков 2002 – Клубков П. А. Этимологии Тредиаковского как факт истории лингвистики // Humanitāro zinātņu vēstnesis. Daugavpils universitāte. 2002, 2.
Сумароков 1787 – Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, А. П. Сумарокова. М., 1787.
Тредиаковский 1773 – Тредиаковский В. Три разсуждения о трех главнейших древностях российских. А именно I. О первенстве словенского языка пред тевтоническим. II. О первоначалии россос III. О варягах руссах славенского звания, рода и языка. СПб., 1773.
Шишков 1827 – Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена. В 17-ти частях. Часть XI. СПб., 1827.
Ягич 2003 – Ягич И. В. История славянской филологии. М., 2003.
-
- Adelung 1815 – Catherinens der Grossen Verdienste um die Vergleichende Sprachkunde. Von Friedrich Adelung. St Petersburg, 1815.
Bonfante 1956 – Bonfante G. A Contribution to the History of Celtology // Celtica, 3, 1956. P. 18-34.
Carey 2006 – Carey J. Russia, Cradle of the Gael // Parallels between Celtic and Slavic. Proceedings of the First International Colloquium of Societas Celto-Slavica held at the University of Ulster, Coleraine, 19-21 June 2005. /Eds. S. Mac Mathúna, M. Fomin. Coleraine, 2006. P. 149-161.
Kendrick 1994 – Kendrick T.D. The Druids. London, 1994.
Morgan 1973/74 – Morgan P. Boxborn, Leibniz, and the Welsh // Studia Celtica, 8/9, 1973/74. P. 220-228.
Sims-Williams 1998 – Sims-Williams P. Celtomania and Celtoscepticism // Cambrian Medieval Celtic Studies, 36, 1998. P. 1-35.